

Митрополит Антоний Сурожский

Войду
в Дом Твой

Антоний Сурожский Войду в Дом Твой

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43056341

Войду в Дом / Митрополит Антоний Сурожский: Сатисъ; Санкт-

Петербург; 2011

ISBN 978-5-7868-0007-5

Аннотация

Читателю предлагается текст двух циклов бесед, которые митрополит Антоний вел в религиозных радиопередачах русской службы Би-Би-Си в 1986-88 и 1990-91 гг. Еще до публикаций последних лет митрополит Антоний был известен в нашей стране; его нечастые приезды бывали событиями религиозной жизни Москвы; встреча с ним становилась для многих поворотным моментом жизни. Его слово современно без «модернизма», глубоко укоренено в святоотеческой традиции – без стилизации под благочестие; оно убедительно в своей беспощадной простоте и цельности. Это речь человека, у которого слово и мысль не расходятся с чувством и жизнью.

Содержание

От издателей	5
Встреча с богом живым	7
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Митрополит Антоний Сурожский Войду в Дом

По благословению

Митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского
ВЛАДИМИРА

Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви

© Митрополит Антоний Сурожский, 1994

© Издательство «Сатись», оригинал-макет, оформление.

От издателей

Читателю предлагается текст двух циклов бесед, которые митрополит Антоний вел в религиозных радиопередачах русской службы Би-Би-Си в 1986-88 и 1990-91 гг. Еще до публикаций последних лет митрополит Антоний был известен в нашей стране; его нечастые приезды бывали событиями религиозной жизни Москвы; встреча с ним становилась для многих поворотным моментом жизни. Его слово современно без «модернизма», глубоко укоренено в святоотеческой традиции – без стилизации под благочестие; оно убедительно в своей беспощадной простоте и цельности. Это речь человека, у которого слово и мысль не расходятся с чувством и жизнью.

Митрополит Антоний уже многие годы нес православное свидетельство о Евангелии на Западе, где, по слову бывшего Архиепископа Кентерберийского, доктора Роберта Рэнси, его влияние простирается далеко за пределы только православной паствы; к нему с уважением прислушиваются не только христиане, не только верующие. Думается, это свидетельство в равной степени обращено и к нам. Подзабыв свои христианские корни, мы ныне переживаем не «возрождение духовности», а пока лишь жадно утоляем свой интерес к этой стороне жизни, – интерес, в котором искренность соседствует с конъюнктурой, потребностью в красивом ритуале, лю-

бопытством к запредельному. Слово Владыки Антония поможет тому, кто честно и искренне пытается добраться до сути «вечных вопросов», встретить Бога Живого. В первую очередь предлагаемые беседы обращены к тем, кто желает сделать трезво и осмысленно первые шаги на пути веры, ответственно подойти к таинству Крещения, осознанно приобщиться богослужебному строю в православном храме.

Владыка Антоний никогда не говорит по заранее написанному тексту; эти беседы публикуются по фонограммам и сохраняют характер личной, живой речи, обращенной непосредственно к слушателям. Тексты подготовила к печати Елена Майданович.

Встреча с богом живым

Мы начнем наши беседы с разговора о вере. Веру связывают обычно с понятием религии. Но вера – понятие гораздо более широкое. Она определяется в Священном Писании, в Послании к евреям, как уверенность в невидимом (Евр. 11, 1). И можно сказать, конечно, что так как Бог невидим, неосязаем, то в первую очередь понятие веры относится к Нему. Но есть другие вещи, в которых мы так же твердо и ясно уверены, как верующий уверен в существование Бога.

Мне пришлось раз стоять в ожидании такси около гостиницы «Украина». Ко мне подошел молодой человек и говорит: «Судя по Вашему платью, Вы верующий, священник?» Я ответил: «Да». – «А я вот в Бога не верю...» Я на него посмотрел, говорю: «Очень жаль!» – «А как Вы мне докажете Бога?» – «Какое доказательство, какого рода доказательство Вам нужно?» – «А вот: покажите мне на ладони Вашего Бога, и я уверую в Него...» Он протянул руку, и в тот момент я увидел, что у него обручальное кольцо. Я ему говорю: «Вы женаты?» – «Женат». – «Дети есть?» – «И дети есть». – «Вы любите жену?» – «Как же, люблю». – «А детей любите?» – «Да». – «А вот я не верю в это!» – «То есть как: не верю? Я же Вам говорю...» – «Да, но я все равно не верю. Вот выложите мне свою любовь на ладонь, я на нее посмотрю...» Он задумался: «Да, с этой точки зрения я на любовь не смотрел!..»

Если развить понятие веры как внутреннего опыта, тогда можно прийти к заключению, что вера – нечто гораздо более широкое, чем просто религиозное понятие. Я люблю кого-то или кто-то любит меня; какое этому можно искать доказательство, как можно на ладони показать любовь?.. В продолжение того разговора этот молодой человек мне сказал: «Да ведь я могу Вам доказать свою любовь к жене: я ей подарки делаю; я ее и детей содержу!..» Я возразил: «Это не доказательство Вашей любви. Это может просто означать, что Вы боитесь жены или что общественное давление Вас к тому побуждает, но Ваши поступки не свидетельствуют обязательно о любви».

В том же порядке можно говорить и о других вещах. Например: нет человека, который не отозвался бы на картину, на музыкальное произведение, на красоту природы, и не воскликнул бы: «Как это прекрасно! Какая красота!..» А докажи эту красоту!? Нельзя разложить красоту на линии и краски; ведь само сочетание этих линий не обязательно создает красоту. Когда мы видим закат или восход солнца и восклицаем: «Какая красота!» – мы не можем ее объяснить. То же самое происходит и с музыкой: мы вслушиваемся в музыкальное произведение, которое нас уносит куда-то в глубины нашего сознания, в глубины нашего естества, бытия; и мы его переживаем как красоту. Таким образом, мы приобщаемся этой красоте, красота до нас доходит как переживание, как наш личный внутренний опыт. Так же любовь. Мы любим чело-

века не за что-нибудь, мы любим его не потому, что он особенно красив, умен, талантлив; мы любим его потому, что от него идет как бы излучение, нечто, что нас пленяет; мы смотрим на человека и видим в нем красоту.

Вот этот опыт любви, красоты, который раскрывается нам и в живописи, и в природе, – он-то и называется верой на языке Послания к евреям, написанного еще в I веке христианской эры. Это уверенность, но основанная не на том, что можно что-то доказать, чего-то коснуться рукой или увидеть, – это непосредственный, прямой опыт. И вот над этим стоит задуматься, потому что если мы переживаем любовь, природу, искусство и наш религиозный опыт как возносящую нас красоту, приобщаясь которой мы становимся глубокими, чуткими, новыми, то можно сказать, что за этим переживанием есть какая-то истина, какая-то реальность. Во всяком случае можно поставить вопрос о той реальности, которая стоит за переживанием. Отец Павел Флоренский¹ в одном из своих произведений говорит, что слово «истина» происходит от слова «есть», от глагола «быть»; истина – то, что на самом деле есть. В таком смысле истина – это предельная реальность. Когда мы говорим, что верим, веруем, мы имеем в виду, что уверены в существовании какой-то конечной реальности. Эта реальность, как я уже говорил, может раскрываться искусством, природой, любовью, но это может

¹ Флоренский Павел, священник (1882–1943) – ученый-энциклопедист, богослов. Погиб в лагере.

быть реальность, раскрывающаяся внутри нас как религиозный опыт, как опыт о том, что существует Бог.

Здесь надо поставить вопрос о том, что мы хотим сказать, когда употребляем слово Бог. В славянском языке это слово может происходить от двух корней. Либо от древнего санскритского слова *bhaga*, что значит «богатый», тот, кто всем обладает, кому ничего не нужно сверх того, что у него есть; тот, кто настолько богат своим собственным содержанием, своим бытием, что может не только без жадности, но с совершенной открытостью относиться ко всему внешнему и все отдавать, потому что ему ничего не жалко. Или можно производить слово Бог, как это делает Хомяков,² от глагола быть: Бог – Тот, Который есть, Тот, Который не создан (можно было бы прибавить: не выдуман), а существует самобытно, в реальном, неизменном, хотя живом, трепещущем бытии. Это Тот, о Котором Ветхий Завет говорил: Он – *Сущий*, Тот, Который есть. Эти же слова Спаситель Христос применил к Себе Самому в Евангелии. И очень важно понять, что когда Христос говорит о Себе, Он говорит о себе как о человеке и о Себе как о Боге. И вот первое понятие: Бог – Тот, Который есть; Он – Тот, Кто есть само бытие. Он является полнотой бытия, полнотой жизни ликующей, торжествующей; Он вседовольный (не в современном смысле слова, что Он «доволен», а в том смысле, что у Него нет недостатка ни

² Хомяков Алексей Степанович (1804–1860) – русский религиозный философ, публицист, поэт, основатель славянофильства.

в чем, Он имеет полноту всего», Ему ничего не «нужно». Он ничего и никого, никакой твари не захочет отнимать, потому что является любовью, то есть торжеством жизни, природа которой заключается в том, чтобы отдавать себя – бесконечно, безгранично, вечно, всегда – всякому, кто может в этом нуждаться.

И есть еще другое понятие за этим словом, уже в германских языках. *God* в английском, *Gott* в немецком происходят от древнегерманского корня, означавшего: Тот, перед Которым падаешь ниц в почитании, перед Которым преклоняешься с трепетом. То же самое мы находим и в древнегреческом языке. Слово *Теос*, Бог, происходит от корня, означающего именно это чувство священного ужаса, которое приводит нас к коленопреклоненному почитанию Бога. Таким образом, говоря о Боге, первое, что мы должны отметить: Бог является нашим первичным опытом, а не образом из наших мечтаний, не сверхчеловеком: Бог нас превосходит и воспринимается нами с такими чувствами, как священный ужас, неопишуемая радость, любовь. И в этом отношении определения Бога в древних языках очень значительны, потому что в этих языках будь то санскритский, готский или древнегреческий, Бог не описывается; не делается никакой попытки сказать нам, каков Он, а говорится только о том, что с нами случается в тот момент, когда мы оказываемся лицом к лицу с Живым Богом, как мы бываем охвачены благоговением и поклоняемся Ему, и преклоняемся пе-

ред Ним.

Есть другой корень на том же греческом языке, который нам указывает, что греки (как и мы, христиане, как и мусульмане, как и все верующие) признавали Бога Творцом, тем, кто создал весь мир, кто является источником всего. Это можно понимать различно. Для нас, христиан, Бог – единственный в Своем роде, и акт творения, и акт любви Божией, есть акт воли Божией в том смысле, что Он вызывает к бытию все, что существует. Но действует Он не как властелин, который приказывал бы всякой твари явиться пред его лицо, а как любящий отец, и даже лучше бы сказать: как живая Любовь, которая зовет тварь к бытию для того, чтобы приобщить ее к собственной жизни, к собственному ликованию и торжеству, к собственному таинству любви.

Но – мы знаем, каков этот мир, сколько в нем страдания, как он бывает жуток, как смерть косит в нем все. И можно поставить вопрос: как же Бог, о Котором христиане говорят, что Он является Любовью, мог создать мир такой безобразный, такой страшный? Неужели Он его создал и потом почил от дел Своих в ожидании, что будет дальше? Хуже того: в ожидании, что в какой-то момент Он нас – которые не просили Его создавать их – будет судить за то, какими мы оказались. Такой Бог был бы страшен. Перед Ним можно было бы преклониться как перед властелином, но любить Его было бы нельзя; больше того: такого Бога ни я, ни вы не могли бы уважать. Но Бог, Который Своим державным словом люб-

ви вызвал к бытию все, что есть, взял на Себя ответственность за Свой творческий акт, за Свое решение создать мир и предоставить этому миру свободу самоопределения. Бог взял на Себя ответственность тем, что в какой-то момент истории, в тот первый день, с которого начинается христианская эра, времена христианские, Сам Бог стал человеком и, не прибоясь злу, живущему и действующему в нас, приобрелся всем последствиям этого зла, всему страданию, всему ужасу мироздания и самому последнему из ужасов – потере Бога и смерти. Бог призвал человека к жизни не с тем, чтобы когда-нибудь человек предстал перед Ним с ответом: Он поручил нам мир, Им Самим созданный, открыл нам творческую возможность сделать из этого мира чудо красоты, гармонии, правды. Но когда человек уклонился с этого пути, пошел своими путями эгоизма, жадности, страха, нелюбви и т. д., то Бог стал человеком. Мы верим, что Иисус Христос, родившийся в Вифлееме, проповедавший на Святой земле, распятый после несправедливого суда и воскресший, был действительно Сам Бог, вступивший в этот мир для того, чтобы разделить с нами все последствия Своего творческого акта и того, что мы сделали с этим миром, который Он нам доверил.

Встает вопрос: каким образом человек может одновременно быть Богом, каким образом две природы могут взаимно пронизать Друг друга, каким образом всемогущий Бог может стать хрупким человеком? Тот, Который бесконечен, вечен, может вступить в конечность, временность нашего

мира? Я думаю, что одна из самых убедительных картин, один из самых убедительных образов был дан в свое время святым Максимом Исповедником.³

³ Святой Максим Исповедник (ок. 580–662) – один из наиболее глубоких богословов Восточной Церкви. Исповедниками именуют тех, кто перенес гонения и страдания за веру, но не был казнен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.